

Карлсон, который живёт на крыше, опять прилетел

(А. Линдгрен)

Земля такая огромная, и на ней столько домов! Большие и маленькие. Красивые и уродливые. Новостройки и развалюшки. И есть еще совсем крошечный домик Карлсона, который живет на крыше. Карлсон уверен, что это лучший в мире домик и что живет в нем лучший в мире Карлсон. Малыш тоже в этом уверен. Что до Малыша, то он живет с мамой и папой, Боссе и Бетан в самом обыкновенном доме, на самой обыкновенной улице в городе Стокгольме, но на крышей этого обыкновенного дома, как раз за трубой, прячется крошечный домик с табличкой над дверью:

Карлсон,
который живет на крыше,
лучший в мире Карлсон

Наверняка найдутся люди, которым покажется странным, что кто-то живет на крыше, но Малыш говорит:

– Ничего тут странного нет. Каждый живет там, где хочет.

Мама и папа тоже считают, что каждый человек может жить там, где ему заблагорассудится. Но сперва они не верили, что Карлсон на самом деле существует. Боссе и Бетан тоже в это не верили. Они даже представить себе не могли, что на крыше живет маленький толстенький человечек с пропеллером на спине и что он умеет летать.

– Не болтай, Малыш, – говорили Боссе и Бетан, – твой Карлсон – просто выдумка.

Для верности Малыш как-то спросил у Карлсона, не выдумка ли он, на что Карлсон сердито буркнул:

– Сами они – выдумка!

Мама и папа решили, что Малышу бывает тоскливо одному, а одинокие дети часто придумывают себе разных товарищей для игр.

– Бедный Малыш, – сказала мама. – Боссе и Бетан настолько старше его!

Ему не с кем играть, вот он и фантазирует...

– Да, – согласился папа. – Во всяком случае, мы должны подарить ему собаку. Он так давно о ней мечтает. Когда Малыш получит собаку, он тотчас забудет про своего Карлсона.

И Малышу подарили Бимбо. Теперь у него была собственная собака, и получил он ее в день своего рождения, когда ему исполнилось восемь лет.

Именно в этот день мама, и папа, и Боссе, и Бетан увидели Карлсона. Да-да, они его увидели. Вот как это случилось.

Малыш праздновал день рождения в своей комнате. У него в гостях были Кристер и Гунилла – они учатся с ним в одном классе. И когда мама, и папа, и Боссе, и Бетан услышали звонкий смех и веселую болтовню, доносившиеся из комнаты Малыша, мама предложила:

– Давайте пойдем и посмотрим на них, они такие милые, эти ребята.

– Пошли! – подхватил папа.

И что же увидели мама, и папа, и Боссе, и Бетан, когда они, приоткрыв дверь, заглянули к Малышу?

Кто сидел во главе праздничного стола, до ушей вымазанный взбитыми сливками, и уплетал так, что любо-дорого было глядеть? Конечно, не кто иной, как маленький толстый человечек, который тут же загорланил что было мочи:

– Привет! Меня зовут Карлсон, который живет на крыше. Вы, кажется, до сих пор еще не имели чести меня знать?

Мама едва не лишилась чувств. И папа тоже разнервничался.

– Только никому об этом не рассказывайте, – сказал он, – слышите, никому ни слова.

– Почему? – спросил Боссе.

И папа объяснил:

– Подумайте сами, во что превратится наша жизнь, если люди узнают про Карлсона. Его, конечно, будут показывать по телевизору и снимать для кинохроники. Поднимаясь по лестнице, мы будем спотыкаться о телевизионный кабель и о провода осветительных приборов, а каждые полчаса к нам будут являться корреспонденты, чтобы сфотографировать Карлсона и Малыша. Бедный Малыш, он превратится в «мальчика, который нашел Карлсона, который живет на крыше...». Одним словом, в нашей жизни больше не будет ни одной спокойной минуты.

Мама, и Боссе, и Бетан поняли, что папа прав, и обещали никому ничего не рассказывать о Карлсоне.

А как раз на следующий день Малыш должен был уехать на все лето к бабушке в деревню. Он был очень этому рад, но беспокоился за Карлсона. Мало ли что тот вздумает выкинуть за это время! А вдруг он исчезнет и больше никогда не прилетит!

– Милый, милый Карлсон, ведь ты будешь по-прежнему жить на крыше, когда я вернусь от бабушки? Наверняка будешь? – спросил Малыш.

– Как знать? – ответил Карлсон. – Спокойствие, только спокойствие. Я ведь тоже поеду к своей бабушке, и моя бабушка куда больше похожа на бабушку, чем твоя.

– А где живет твоя бабушка? – спросил Малыш.

– В доме, а где же еще! А ты, небось, думаешь, что она живет на улице и скачет по ночам?

Так Малышу ничего не удалось узнать про бабушку Карлсона. А на следующий день Малыш уехал в деревню. Бимбо он взял с собой. Целые дни он играл с деревенскими ребятами и о Карлсоне почти не вспоминал. Но когда кончились летние каникулы и Малыш вернулся в город, он спросил, едва переступив порог:

– Мама, за это время ты хоть раз видела Карлсона?

Мама покачала головой:

– Ни разу. Он не вернется назад.

– Не говори так! Я хочу, чтобы он жил на нашей крыше. Пусть он опять прилетит!

– Но ведь у тебя теперь есть Бимбо, – сказала мама, пытаясь утешить Малыша. Она считала, что настал момент раз и навсегда покончить с Карлсоном. Малыш погладил Бимбо.

– Да, конечно, у меня есть Бимбо. Он мировой пес, но у него нет пропеллера, и он не умеет летать, и вообще с Карлсоном играть интересней.

Малыш помчался в свою комнату и распахнул окно.

– Эй, Карлс-о-он! Ты там, наверху? Откликнись! – завопил он во все горло, но ответа не последовало. А на другое утро Малыш отправился в школу. Он теперь учился во втором классе. После обеда он уходил в свою комнату и садился за уроки. Окно он никогда не закрывал, чтобы не пропустить жужжание моторчика Карлсона,

но с улицы доносился только рокот автомобилей да иногда гул самолета, пролетающего над крышами. А знакомого жужжания все не было слышно.

– Все ясно, он не вернулся, – печально твердил про себя Малыш. – Он никогда больше не прилетит.

Вечером, ложась спать, Малыш думал о Карлсоне, а иногда, накрывшись с головой одеялом, даже тихо плакал от мысли, что больше не увидит Карлсона.

Шли дни, была школа, были уроки, а Карлсона все не было и не было.

Как-то после обеда Малыш сидел у себя в комнате и возился со своей коллекцией марок. Перед ним лежал альбом и целая куча новых марок, которые он собирался разобрать. Малыш усердно взялся за дело и очень быстро наклеил все марки. Все, кроме одной, самой лучшей, которую нарочно оставил напоследок. Это была немецкая марка с изображением Красной Шапочки и Серого волка, и Малышу она очень-очень нравилась. Он положил ее на стол перед собой и любовался ею.

И вдруг Малыш услышал какое-то слабое жужжание, похожее... – да-да, представьте себе – похожее на жужжание моторчика Карлсона! И в самом деле, это был Карлсон. Он влетел в окно и крикнул:

– Привет, Малыш!

– Привет, Карлсон! – завопил в ответ Малыш и вскочил с места.

Не помня себя от счастья, он глядел на Карлсона, который несколько раз облетел вокруг люстры и неуклюже приземлился. Как только Карлсон выключил моторчик – а для этого ему достаточно было нажать кнопку на животе, – так вот, как только Карлсон выключил моторчик, Малыш кинулся к нему, чтобы его обнять, но Карлсон отпихнул Малыша своей пухленькой ручкой и сказал:

– Спокойствие, только спокойствие! У тебя есть какая-нибудь еда? Может, мясные тефтельки или что-нибудь в этом роде? Сойдет и кусок торта со взбитыми сливками.

Малыш покачал головой:

– Нет, мама сегодня не делала мясных тефтелек. А торт со сливками бывает у нас только по праздникам.

Карлсон надулся:

– Ну и семейка у вас! «Только по праздникам»... А если приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев? Думаю, твоя мама могла бы и постараться ради такого случая.

– Да, конечно, но ведь мы не знали... – оправдывался Малыш.

– «Не знали»! – ворчал Карлсон. – Вы должны были надеяться! Вы всегда должны надеяться, что я навещу вас, и потому твоей маме каждый день надо одной рукой жарить тефтели, а другой сбивать сливки.

– У нас сегодня на обед жареная колбаса, – сказал пристыженный Малыш. – Хочешь колбаски?

– Жареная колбаса, когда в гости приходит дорогой старый друг, с которым не виделись несколько месяцев! – Карлсон еще больше надулся. – Понятно! Попадешь к вам в дом – научишься набивать брюхо чем попало...Валяй, тащи свою колбасу.

Малыш со всех ног помчался на кухню. Мамы дома не было – она пошла к доктору, – так что он не мог спросить у нее разрешения. Но ведь Карлсон согласился есть колбасу. А на тарелке как раз лежали пята ломтиков, оставшихся от обеда. Карлсон накинулся на них, как ястреб на цыпленка. Он набил рот колбасой и засиял как медный грош.

– Что ж, колбаса так колбаса. А знаешь, она недурна. Конечно, с тефтелями не сравнишь, но от некоторых людей нельзя слишком многого требовать.

Малыш прекрасно понял, что «некоторые люди» – это он, и поэтому поспешил перевести разговор на другую тему.

– Ты весело провел время у бабушки? – спросил он.

– Так весело, что и сказать не могу. Поэтому я говорить об этом не буду, – ответил Карлсон и жадно откусил еще кусок колбасы.

– Мне тоже было весело, – сказал Малыш. И он начал рассказывать Карлсону, как он проводил время у бабушки. – Моя бабушка, она очень, очень хорошая, – сказал Малыш. – Ты себе и представить не можешь, как она мне обрадовалась. Она обнимала меня крепко-крепко.

– Почему? – спросил Карлсон.

– Да потому, что она меня любит. Как ты не понимаешь? – удивился Малыш.

Карлсон перестал жевать:

– Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка любит меня меньше? Уж не думаешь ли ты, что она не кинулась на меня и не стала так крепко-крепко меня обнимать, что я весь посинел? Вот как меня любит моя бабушка. А я должен тебе сказать, что у моей бабушки ручки маленькие, но хватка железная, и если бы она меня любила еще хоть на капельку больше, то я бы не сидел сейчас здесь – она бы просто задушила меня в своих объятиях.

– Вот это да! – изумился Малыш. – Выходит, твоя бабушка чемпионка по обниманию.

Конечно, бабушка Малыша не могла с ней сравниться, она не обнимала его так крепко, но все-таки она тоже любила своего внука и всегда была к нему очень добра. Это Малыш решил еще раз объяснить Карлсону.

– А ведь моя бабушка бывает и самой ворчливой в мире, – добавил Малыш, минуту подумав. – Она всегда ворчит, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном. Карлсон отставил пустую тарелку:

– Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка менее ворчливая, чем твоя? Да будет тебе известно, что, ложась спать, она заводит будильник и вскакивает в пять утра только для того, чтобы всласть наворчаться, если я промочу ноги или подерусь с Лассе Янсоном.

– Как, ты знаешь Лассе Янсона? – с удивлением спросил Малыш.

– К счастью, нет, – ответил Карлсон.

– Но почему же ворчит твоя бабушка? – еще больше изумился Малыш.

– Потому, что она самая ворчливая в мире, – отрезал Карлсон. – Пойми же, наконец! Раз ты знаешь Лассе Янсона, как же ты можешь утверждать, что твоя бабушка самая ворчливая? Нет, куда ей до моей бабушки, которая может целый день ворчать: «Не дерись с Лассе Янсоном, не дерись с Лассе Янсоном...» – хотя я никогда не видел этого мальчика и нет никакой надежды, что когда-либо увижу.

Малыш погрузился в размышления. Как-то странно получалось... Ему казалось, что, когда бабушка на него ворчит, это очень плохо, а теперь выходит, что он должен доказывать Карлсону, что его бабушка ворчливей, чем на самом деле.

– Стоит мне только чуть-чуть промочить ноги, ну самую капельку, а она уже ворчит и пристаёт ко мне, чтобы я передел носки, – убеждал Малыш Карлсона.

Карлсон понимающе кивнул:

– Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не требует, чтобы я все время переодевал носки? Знаешь ли ты, что, как только я подхожу к луже, моя бабушка бежит ко мне со всех ног через деревню и ворчит и бубнит одно и то же: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...» Что, не веришь?

Малыш поежился:

– Нет, почему же...

Карлсон пихнул Малыша, потом усадил его на стул, а сам стал перед ним, упершись руками в бока:

– Нет, я вижу, ты мне не веришь. Так послушай, я расскажу тебе все по порядку. Вышел я на улицу и шлепаю себе по лужам... Представляешь? Веселюсь вовсю. Но вдруг, откуда ни возмись, мчится бабушка и орет на всю деревню: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки!...»

– А ты что? – снова спросил Малыш.

– А я говорю: «Не буду переодевать, не буду!...» – потому что я самый непослушный внук в мире, – объяснил Карлсон. – Я ускакал от бабушки и залез на дерево, чтобы она оставила меня в покое.

– А она, наверно, растерялась, – сказал Малыш.

– Сразу видно, что ты не знаешь моей бабушки, – возразил Карлсон. – Ничуть она не растерялась, а полезла за мной.

– Как – на дерево? – изумился Малыш.

Карлсон кивнул.

– Уж не думаешь ли ты, что моя бабушка не умеет лазить на деревья? Так знай: когда можно поворчать, она хоть куда взберется, не то что на дерево, но и гораздо выше. Так вот, ползет она по ветке, на которой я сижу, ползет и бубнит: «Переодень носки, Карлсончик, переодень носки...»

– А ты что? – снова спросил Малыш.

– Делать было нечего, – сказал Карлсон. – Пришлось переодевать, иначе она нипочем не отвязалась бы. Высоко-высоко на дереве я кое-как примостился на тоненьком сучке и, рискуя жизнью, переодел носки.

– Ха-ха! Врешь ты все, – рассмеялся Малыш. – Откуда же ты взял на дереве носки, чтобы переодеть?

– А ты не дурак, – заметил Карлсон. – Значит, ты утверждаешь, что у меня не было носков?

Карлсон засучил штаны и показал свои маленькие толстенькие ножки в полосатых носках:

– А это что такое? Может, не носки? Два, если не ошибаюсь, носочка? А почему это я не мог сидеть на сучке и переодевать их: носок с левой ноги надевать на правую, а с правой – на левую? Что, по-твоему, я не мог это сделать, чтобы угодить бабушке?

– Мог, конечно, но ведь ноги у тебя от этого не стали суше, – сказал Малыш.

– А разве я говорил, что стали? – возмутился Карлсон. – Разве я это говорил?

– Но ведь тогда... – и Малыш даже запнулся от растерянности, – ведь тогда выходит, что ты совсем зря переодевал носки.

Карлсон кивнул.

– Теперь ты понял, наконец, у кого самая ворчливая в мире бабушка?

Твоя бабушка просто вынуждена ворчать: разве без этого сладишь с таким противным внуком, как ты? А моя бабушка самая ворчливая в мире, потому что она всегда зря на меня ворчит, – как мне это вбить тебе в голову?

Карлсон тут же расхохотался и легонько ткнул Малыша в спину.

– Привет, Малыш! – воскликнул он. – Хватит нам спорить о наших бабушках, теперь самое время немного поразвлечься.

– Привет, Карлсон! – ответил Малыш. – Я тоже так думаю,

– Может, у тебя есть новая паровая машина? – спросил Карлсон. – Помнишь, как нам было весело, когда та, старая, взорвалась? Может, тебе подарили новую, и мы снова сможем ее взорвать?

Увы, Малышу не подарили новой машины, и Карлсон тут же надулся. Но вдруг взгляд его упал на пылесос, который мама забыла унести из комнаты, когда кончила убирать. Вскрикнув от радости, Карлсон кинулся к пылесосу и вцепился в него.

– Знаешь, кто лучший пылесосчик в мире? – спросил он и включил пылесос на полную мощность. – Я привык, чтобы вокруг меня все так и сияло чистотой, – сказал Карлсон. – А ты развел такую грязь! Без уборки не обойтись. Как вам повезло, что вы напали на лучшего в мире пылесосчика!

Малыш знал, что мама только что, как следует, убрала его комнату, и сказал об этом Карлсону, но тот лишь язвительно рассмеялся в ответ.

– Женщины не умеют обращаться с такой тонкой аппаратурой, это всем известно. Гляди, как надо браться за дело, – сказал Карлсон и направил шланг пылесоса на белые тюлевые занавески, которые с легким шелестом тут же наполовину исчезли в трубе.

– Не надо, не надо, – закричал Малыш, – занавески такие тонкие... Да ты что, не видишь, что пылесос их засосал! Прекрати!..

Карлсон пожал плечами.

– Что ж, если ты хочешь жить в таком хлеву, пожалуйста, – сказал он.

Не выключая пылесоса, Карлсон начал вытаскивать занавески, но тщетно – пылесос решительно не хотел их отдавать.

– Зря упираешься, – сказал Карлсон пылесосу. – Ты имеешь дело с Карлсоном, который живет на крыше, – с лучшим в мире вытаскивателем занавесок!

Он потянул еще сильнее, и ему удалось, в конце концов, выдернуть их из шланга. Занавески стали черными, да к тому же у них появилась бахрома.

– Ой, гляди, на что они похожи! – воскликнул Малыш в ужасе. – Они же совсем черные.

– Вот именно, и ты еще утверждаешь, грязнуля, что их не надо пылесосить? – Карлсон покровительственно похлопал Малыша по щеке и добавил: – Но не унывай, у тебя все впереди, ты еще можешь исправиться и стать отличным парнем, хотя ты и ужасный неряха. Для этого я должен тебя пропылесосить.. Тебя сегодня уже пылесосили?

– Нет, – признался Малыш.

Карлсон взял в руки шланг и двинулся на Малыша.

– Ах, эти женщины! – воскликнул он. – Часами убирают комнату, а такого грязнулю обработать забывают! Давай начнем с ушей. Никогда прежде Малыша не обрабатывали пылесосом, и это оказалось так щекотно, что Малыш стонал от смеха. А Карлсон трудился усердно и методично – начал с ушей и волос Малыша, потом принялся за шею и подмышки, прошелся по спине и животу и напоследок занялся ногами.

– Вот именно это и называется «генеральная уборка», – заявил Карлсон.

– Ой, до чего щекотно! – визжал Малыш.

– По справедливости, моя работа требует вознаграждения, – сказал Карлсон. Малыш тоже захотел произвести «генеральную уборку» Карлсона.

– Теперь моя очередь, – заявил он. – Иди сюда, для начала я пропылесосу тебе уши.

– В этом нет нужды, – запротестовал Карлсон. – Я мыл их в прошлом году в сентябре. Здесь есть вещи, которые куда больше моих ушей нуждаются в чистке. Он окинул взглядом комнату и обнаружил лежавшие на столе марки.

– У тебя повсюду разбросаны какие-то разноцветные бумажки, не стол, а помойка! – возмутился он.

И, прежде чем Малыш успел его остановить, он засосал пылесосом марку с Красной Шапочкой и Серым волком. Малыш был в отчаянии.

– Моя марка! – завопил он. – Ты засосал Красную Шапочку, этого я тебе никогда не прощу!

Карлсон выключил пылесос и скрестил руки на груди.

– Прости, – сказал он, – прости меня за то, что я, такой милый, услужливый и чистоплотный человек, хочу все сделать как лучше. Прости меня за это... Казалось, он сейчас заплачет. – Но я зря стараюсь, – сказал Карлсон, и голос его дрогнул. – Никогда я не слышу слов благодарности...одни только попреки...

– О Карлсон! – сказал Малыш. – Не расстраивайся, пойми, это же Красная Шапочка.

– Что еще за Красная Шапочка, из-за которой ты поднял такой шум? – спросил Карлсон и тут же перестал плакать.

– Она была изображена на марке, – объяснил Малыш. – Понимаешь, это была моя лучшая марка.

Карлсон стоял молча – он думал. Вдруг глаза его засияли, и он хитро улыбнулся.

– Угадай, кто лучший в мире выдумщик игр! Угадай, во что мы будем играть!.. В Красную Шапочку и волка! Пылесос будет волком, а я – охотником, который придет, распорет волку брюхо, и оттуда – ап! – выскочит Красная Шапочка. Карлсон нетерпеливо обвел взглядом комнату. – У тебя есть топор? Ведь пылесос твердый, как бревно.

Топора у Малыша не было, и он был этому даже рад.

– Но ведь пылесос можно открыть – как будто мы распороли брюхо волку.

– Конечно, если халтурить, то можно и открыть, – пробурчал Карлсон. – Не в моих правилах так поступать, когда случается вспаривать брюхо волкам, но раз в этом жалком доме нет никаких инструментов, придется как-то выходить из положения.

Карлсон навалился животом на пылесос и вцепился в его ручку.

– Болван! – закричал он. – Зачем ты всосал Красную Шапочку?

Малыш удивился, что Карлсон, как маленький играет в такие детские игры, но смотреть на это было все же забавно.

– Спокойствие, только спокойствие, милая Красная Шапочка! – кричал Карлсон. – Надень скорей свою шапочку и галоши, потому что сейчас я тебя выпущу.

Карлсон открыл пылесос и высыпал все, что в нем было, прямо на ковер. Получилась большая куча серо-черной пыли.

– О, ты должен был высыпать все это на газету! – сказал Малыш.

– На газету?.. Разве так сказано в сказке? – возмутился Карлсон. – Разве там сказано, что охотник подстелил газету, прежде чем распороть волку брюхо и выпустить на свет божий Красную Шапочку? Нет, отвечай!

– Конечно, в сказке так не сказано, – вынужден был признать Малыш.

– Тогда молчи! – сказал Карлсон. – Выдумываешь, чего нет в сказке! Так я не играю!

Больше он уже не смог ничего добавить, потому что в открытое окно ворвался ветер, взметнул пыль, она забилась Карлсону в нос, и он чихнул. От его чиханья пыль снова взметнулась, над полом покружил маленький разноцветный квадратик и упал к ногам Малыша.

– Ой, гляди, гляди, вот она, Красная Шапочка! – закричал Малыш и кинулся, чтобы поднять запыленную марку. Карлсон был явно доволен.

– Видал миндал! – воскликнул он хвастливо. – Стоит мне чихнуть, и вещь найдена... Не будем больше ругаться из-за бедной Красной Шапочки!

Малыш обдул пыль со своей драгоценной марки – он был совершенно счастлив.

Вдруг Карлсон еще раз чихнул, и с пола снова поднялось целое облако пыли.

– Угадай, кто лучший в мире чихальщик? – сказал Карлсон. – Я могу чиханьем разогнать всю пыль по комнате – пусть лежит, где ей положено. Сейчас увидишь!

Но Малыш его не слушал. Он хотел только одного – как можно скорее наклеить Красную Шапочку в альбом.

А Карлсон стоял в облаке пыли и чихал. Он все чихал и чихал до тех пор, пока не «расчихал» пыль по всей комнате.

– Вот видишь, зря ты говорил, что нужно было подстилать газету. Пыль теперь снова лежит на своем месте, как прежде. Во всем должен быть порядок – мне он, во всяком случае, необходим. Не выношу грязи и всякого свинства – я к этому не привык.

Но Малыш не мог оторваться от своей марки. Он ее уже наклеил и сейчас любовался ею – до чего хороша!

– Вижу, мне снова придется пылесосить тебе уши! – воскликнул Карлсон. – Ты ничего не слышишь!

– Что ты говоришь? – переспросил Малыш.

– Глухая тетеря! Я говорю, что несправедливо, чтобы я один работал до седьмого пота! Гляди, я скоро набью себе мозоли на ладонках! Я из кожи лезу вон, чтобы почище убрать твою комнату. Теперь ты должен полететь со мной и помочь мне убрать мою, а то будет несправедливо.

Малыш отложил альбом. Полететь с Карлсоном на крышу – об этом можно было только мечтать! Лишь однажды довелось ему побывать у Карлсона, в его маленьком домике на крыше. Но в тот раз мама почему-то ужасно испугалась и вызвала пожарников.

Малыш погрузился в размышления. Ведь все это было уже так давно, он теперь стал куда старше и может, конечно, преспокойно лезть на любую крышу. Но поймет ли это мама? Вот в чем вопрос. Ее нет дома, так что спросить ее нельзя. Наверно, правильнее всего было бы отказаться...

– Ну, полетели? – спросил Карлсон.

Малыш еще раз все взвесил.

– А вдруг ты меня уронишь? – сказал он с тревогой.

Это предположение ничуть не смутило Карлсона.

– Велика беда! – воскликнул он. – Ведь на свете столько детей. Одним мальчиком больше, одним меньше – пустяки, дело житейское!

Малыш всерьез рассердился на Карлсона.

– Я – дело житейское? Нет, если я упаду...

– Спокойствие, только спокойствие, – сказал Карлсон и похлопал Малыша по плечу.
– Ты не упадешь. Я обниму тебя так крепко, как меня обнимает моя бабушка. Ты, конечно, всего-навсего маленький грязнуля, но все же ты мне нравишься.

И он еще раз похлопал Малыша по плечу.

– Да, странно, но все-таки я очень к тебе привязался, глупый мальчишка. Вот подожди, мы доберемся до моего домика на крыше, и я тебя так стисну, что ты посинеешь. Чем я, в конце концов, хуже бабушки?

Карлсон нажал кнопку на животе – моторчик затарахтел. Тогда он обхватил Малыша своими пухленькими ручками, они вылетели в окно и стали набирать высоту.

А тюлевые занавески с черной бахромой раскачивались так, словно махали им на прощание.

Дома у Карлсона

Маленькие домики на крышах всегда очень уютны, а домик Карлсона – особенно. Представьте себе зеленые ставенки и крохотное крылечко, на котором так приятно сидеть по вечерам и глядеть на звезды, а днем пить сок и грызть пряники, конечно, если они есть. Ночью на этом крылечке можно спать, если в домике слишком жарко. А утром, когда проснешься, любоваться, как солнце встает над крышами домов где-то за Остермальмом.

Да, это, в самом деле, очень уютный домик, и он так удачно примостился за выступом, что обнаружить его трудно. Конечно, если просто так бродишь по крышам, а не ищешь привидений за дымовыми трубами. Но ведь этим никто и не занимается.

– Здесь, наверху, все ни на что не похоже, – сказал Малыш, когда Карлсон приземлился с ним на крылечке своего дома.

– Да, к счастью, – ответил Карлсон. Малыш посмотрел вокруг.

– Куда ни глянь, крыши! – воскликнул он.

– Несколько километров крыш, где можно гулять и проказничать.

– Мы тоже будем проказничать? Ну, хоть немножко, а? – в восторге спросил Малыш.

Он вспомнил, как захватывающе интересно было на крыше в тот раз, когда они проказничали там вместе с Карлсоном.

Но Карлсон строго посмотрел на него:

– Понятно, лишь бы увильнуть от уборки, да? Я работаю на тебя как каторжный, выбиваюсь из сил, чтобы хоть немного прибрать твой хлев, а ты потом предлагаешь гулять и проказничать. Ловко ты это придумал, ничего не скажешь!

Но Малыш ровным счетом ничего не придумывал.

– Я охотно тебе помогу, и тоже буду убирать, если нужно.

– То-то, – сказал Карлсон и отпер дверь.

– Не беспокойся, пожалуйста, – повторил Малыш, – конечно, я помогу, если нужно...

Малыш вошел в дом к лучшему в мире Карлсону и замер. Он долго стоял молча, и глаза его все расширялись.

– Да, это нужно, – вымолвил он, наконец.

В домике Карлсона была только одна комната. Там стоял верстак, вещь незаменимая, – и строгать на нем можно, и есть, а главное, вываливать на него что попало. Стоял и диванчик, чтобы спать, прыгать и кидать туда все барахло. Два стула, чтобы сидеть, класть всякую всячину и влезать на них, когда нужно засунуть

что-нибудь на верхнюю полку шкафа. Впрочем, обычно это не удавалось, потому что шкаф был до отказа забит тем, что уже не могло валяться просто на полу или висеть на гвоздях вдоль стен: ведь весь пол был заставлен, а стены завешаны несметным количеством вещей! У

Карлсона в комнате был камин, и в нем – таганок, на котором он готовил еду. Каминная полка тоже была заставлена самыми разными предметами. А вот с потолка почти ничего не свисало: только коловорот, да еще кошелка с орехами, и пакет пистонов, и клещи, и пара башмаков, и рубанок, и ночная рубашка Карлсона, и губка для мытья посуды, и кочерга, и небольшой саквояж, и мешок сушеных вишен, – а больше ничего.

Малыш долго молча стоял у порога и растерянно все разглядывал.

– Что, прикусил язык? Да, тут есть на что посмотреть, не чета твоей комнате – у тебя там, внизу, настоящая пустыня.

– Это правда, твоя на пустыню не похожа, – согласился Малыш. – Я понимаю, что ты хочешь убрать свой дом.

Карлсон кинулся на диванчик и удобно улегся.

– Нет, ты меня не так понял, – сказал он. – Я вовсе ничего не хочу убирать. Это ты хочешь убирать... Я уже наубирался там, у тебя. Так или не так?

– Ты что, даже и помогать мне не будешь? – с тревогой спросил Малыш.

Карлсон облокотился о подушку и засопел так, как сопят, только когда очень уютно устроятся.

– Нет, почему же, конечно, я тебе помогу, – успокоил он Малыша, перестав сопеть.

– Вот и хорошо, – обрадовался Малыш. – А то я уж испугался, что ты...

– Нет, конечно, я тебе помогу, – подхватил Карлсон. – Я буду все время петь и подбадривать тебя поощрительными словами. Раз, два, три, и ты закружишься по комнате. Будет очень весело.

Малыш не был в этом уверен. Никогда в жизни ему еще не приходилось так много убирать. Конечно, дома он всегда убирал свои игрушки – только всякий раз маме надо было напомнить об этом раза три, четыре, а то и пять, и он тут же все убирал, хотя считал, что занятие это скучное, а главное, совершенно бессмысленное. Но убирать у Карлсона – совсем другое дело.

– С чего мне начать? – спросил Малыш.

– Эх, ты! Всякий дурак знает, что начинать надо с ореховой скорлупы, – ответил Карлсон. – Генеральной уборки вообще не стоит устраивать, потому что потом я никогда уже не смогу все так хорошо расставить. Ты только немного прибери.

Ореховая скорлупа валялась на полу вперемешку с апельсиновыми корками, вишневыми косточками, колбасными шкурками, скомканными бумажками, обгоревшими спичками и тому подобным мусором, так что самого пола и видно не было.

– У тебя есть пылесос? – спросил Малыш, немного подумав.

Этот вопрос был Карлсону явно не по душе. Он хмуро поглядел на Малыша:

– А среди нас, оказывается, завелись лентяи! Лучшая в мире половая тряпка и лучший в мире совок их почему-то не устраивают. Пылесосы им, видите ли, подавай, только бы от работы отлынивать! – И Карлсон даже фыркнул от возмущения. – Если бы я захотел, у меня могло быть хоть сто пылесосов. Но я не такой бездельник, как некоторые. Я не боюсь физической работы.

– А разве я боюсь? – сказал Мальта, оправдываясь. – Но... да ведь все равно у тебя нет электричества, значит, и пылесоса быть не может.

Малыш вспомнил, что домик Карлсона лишен всех современных удобств. Там не было ни электричества, ни водопровода. По вечерам Карлсон зажигал керосиновую лампу, а воду брал из кадки, которая стояла у крылечка, под водосточной трубой.

– У тебя и мусоропровода нет, – продолжал Малыш, – хотя тебе он очень нужен.

– У меня нет мусоропровода? – возмутился Карлсон. – Откуда ты взял? Подмети-ка пол, и я покажу тебе лучший в мире мусоропровод.

Малыш вздохнул, взял веник и принялся за дело. А Карлсон вытянулся на диванчике, подложив руки под голову, и наблюдал за ним. Вид у него был очень довольный.

И он запел, чтобы помочь Малышу, – точь-в-точь как обещал:

Долог день для того,

Кто не сделал ничего.

Кончил дело – гуляй смело!

– Золотые слова, – сказал Карлсон и зарылся в подушку, чтобы улечься поудобнее.

А Малыш все подметал и подметал. В самый разгар уборки Карлсон прервал свое пение и сказал:

– Ты можешь устроить себе небольшую переменку и сварить мне кофе.

– Сварить кофе? – переспросил Малыш.

– Да, пожалуйста, – подтвердил Карлсон. – Я не хочу тебя особенно утруждать. Тебе придется только развести огонь под таганком, принести воды и приготовить кофе. А уж пить его я буду сам.

Малыш печально посмотрел на пол, на котором почти не было видно следов его усилий:

– Может, ты сам займешься кофе, пока я буду подметать?

Карлсон тяжело вздохнул.

– Как это только можно быть таким ленивым, как ты? – спросил он. – Раз уж ты устраиваешь себе переменку, неужели так трудно сварить кофе?

– Нет, конечно, нетрудно, – ответил Малыш, – но дай мне сказать. Я думаю...

– Не дам, – перебил его Карлсон. – Не трать понапрасну слов! Лучше бы ты постарался хоть чем-то услужить человеку, который в поте лица пылесосил твои уши и вообще из кожи вон лез ради тебя.

Карлсон решительно придвинул к себе ведро:

Малыш отложил веник, взял ведро и побежал за водой. Потом принес из чулана дрова, сложил их под таганком и попытался развести огонь, но у него ничего не получалось.

– Понимаешь, у меня нет опыта, – начал Малыш смущенно, – не мог бы ты... Только огонь развести, а?

– И не заикайся, – отрезал Карлсон. – Вот если бы я был на ногах, тогда дело другое, тогда бы я тебе показал, как разводить огонь, но ведь я лежу, и ты не можешь требовать, чтобы я плясал вокруг тебя.

Малышу это показалось убедительным. Он еще раз чиркнул спичкой, и вдруг взметнулось пламя, дрова затрещали и загудели.

– Взялись! – радостно воскликнул Малыш.

– Вот видишь! Надо только действовать энергичней и не рассчитывать на чью-то помощь, – сказал Карлсон. – Теперь поставь на огонь кофейник, собери все, что нужно для кофе, на этот вот красивый подносик, да не забудь положить булочки, и продолжай себе подметать; пока кофе закипит, ты как раз успеешь все убрать.

– Скажи, а ты уверен, что сам будешь кофе пить? – спросил Малыш с издевкой.

– О да, кофе пить я буду сам, – уверил его Карлсон. – Но и ты получишь немного, ведь я на редкость гостеприимен.

Когда Малыш все подмел и высыпал ореховую скорлупу, вишневые косточки и грязную бумагу в большое помойное ведро, он присел на край диванчика, на котором лежал Карлсон, и они стали вдвоем пить кофе и есть булочки – много булочек. Малыш блаженствовал – до чего же хорошо у Карлсона, хотя убирать у него очень утомительно!

– А где же твой мусоропровод? – спросил Малыш, проглотив последний кусочек булки.

– Сейчас покажу, – сказал Карлсон. – Возьми помойное ведро и иди за мной.

Они вышли на крыльцо.

– Вот, – сказал Карлсон и указал на крыши.

– Как... что ты хочешь сказать? – растерялся Малыш.

– Сыпь прямо туда, – сказал Карлсон. – Вот тебе и лучший в мире мусоропровод.

– Ведь получится, что я кидаю мусор на улицу, – возразил Малыш. – А этого нельзя делать.

– Нельзя, говоришь? Сейчас увидишь. Беги за мной!

Схватив ведро, он помчался вниз по крутому скату крыши. Малыш испугался, подумав, что Карлсон не сумеет остановиться, когда добежит до края.

– Тормози! – крикнул Малыш. – Тормози!

И Карлсон затормозил. Но только когда очутился на самом-самом краю.

– Чего ты ждешь? – крикнул Карлсон Малышу. – Беги ко мне.

Малыш сел на крышу и осторожно пополз вниз.

– Лучший в мире мусоропровод!.. Высота падения мусора двадцать метров, – сообщил Карлсон и быстро опрокинул ведро.

Ореховая скорлупа, вишневые косточки, скомканная бумага устремились по лучшему в мире «мусоропроводу» могучим потоком на улицу и угодили прямо на голову элегантному господину, который шел по тротуару и курил сигару.

– Ой, – воскликнул Малыш, – ой, ой, гляди, все попало ему на голову!

Карлсон только пожал плечами:

– Кто ему велел гулять под мусоропроводом? У Малыша был все же озабоченный вид.

– Наверно, у него ореховая скорлупа набилась в ботинки, а в волосах застряли вишневые косточки. Это не так уж приятно!

– Пустяки, дело житейское, – успокоил Малыша Карлсон. – Если человеку мешает жить только ореховая скорлупа, попавшая в ботинок, он может считать себя счастливым.

Но что-то было не похоже, чтобы господин с сигарой чувствовал себя счастливым. С крыши они видели, как он долго и тщательно отряхивается, а потом услышали, что он зовет полицейского.

– Некоторые способны подымать шум по пустякам, – сказал Карлсон. – А ему бы, напротив, благодарить нас надо. Ведь если вишневые косточки прорастут и пустят корни в его волосах, у него на голове вырастет красивое вишневое деревцо, и тогда он сможет день-деньской гулять, где захочет, рвать все время вишни и выплевывать косточки.

Но полицейского поблизости не оказалось, и господину с сигарой пришлось отправиться домой, так и не высказав никому своего возмущения по поводу ореховой скорлупы и вишневых косточек.

А Карлсон и Малыш полезли вверх по крыше и благополучно добрались до домика за трубой.

– Я тоже хочу выплевывать вишневые косточки, – заявил Карлсон, едва они переступили порог комнаты. – Раз ты так настаиваешь, лезь за вишнями – они там, в мешке, подвешенном к потолку.

– Думаешь, я достану? – спросил Малыш.

– А ты заберись на верстак.

Малыш так и сделал, а потом они с Карлсоном сидели на крылечке, ели сухие вишни и выплевывали косточки, которые, подсакивая с легким стуком, весело катились вниз по крыше.

Вечерело. Мягкие, теплые осенние сумерки спускались на крыши и дома. Малыш придвинулся поближе к Карлсону. Было так уютно сидеть на крыльце и есть вишни, но становилось все темней и темней. Дома выглядели теперь совсем иначе, чем прежде, – сперва они посерели, сделались какими-то таинственными, а под конец стали казаться уже совсем черными. Словно кто-то вырезал их огромными ножницами из черной бумаги и только кое-где наклеил кусочки золотой фольги, чтобы изобразить светящиеся окна. Этих золотых окошек становилось все больше и больше, потому что люди зажигали свет в своих комнатах. Малыш попытался было пересчитать эти светящиеся прямоугольнички. Сперва было только три, потом оказалось десять, а потом так много, что зарябило в глазах. А в окнах были видны люди – они ходили по комнатам и занимались кто чем, и можно было гадать, что же они делают, какие они и почему живут именно здесь, а не в другом месте.

Впрочем, гадал только Малыш. Карлсону все было ясно.

– Где-то же им надо жить, беднягам, – сказал он. – Ведь не могут же все жить на крыше и быть лучшими в мире Карлсонами.

Малютка привидение из Вазастана

День для Малыша тянулся бесконечно долго, он провел его совсем один и никак не мог дожждаться вечера.

«Похоже на сочельник», – подумал он. Он играл с Бимбо, возился с марками и даже немного позанимался арифметикой, чтобы не отстать от ребят в классе. А когда Кристер должен был, по его расчетам, вернуться из школы, он позвонил ему по телефону и рассказал о скарлатине.

– Я не могу ходить в школу, потому что меня изолировали, понимаешь?

Это звучало очень заманчиво – так считал сам Малыш, и Кристер, видно, тоже так считал, потому что он даже не сразу нашелся, что ответить.

– Расскажи это Гунилле, – добавил Малыш.

– А тебе не скучно? – спросил Кристер, когда к нему вернулся дар речи.

– Ну что ты! У меня ведь есть... – начал Малыш но тут же осекся.

Он хотел было сказать: «Карлсон», но не сделал этого из-за папы. Правда, прошлой весной Кристер и Гунилла несколько раз видели Карлсона, но это было до того, как папа сказал, что о нем нельзя говорить ни с кем на свете.

«Может быть, Кристер и Гунилла давно о нем забыли, вот бы хорошо! – думал Малыш. – Тогда он стал бы моим личным тайным Карлсоном». И Малыш поторопился попрощаться с Кристером.

– Привет, мне сейчас некогда с тобой разговаривать, – сказал он.

Обедать вдвоем с фрекен Бок было совсем скучно, но зато она приготовила очень вкусные тефтели. Малыш уплетал за двоих. На сладкое он получил яблочную запеканку с ванильным соусом. И он подумал, что фрекен Бок, может быть, не так уж плоха.

«Лучшее, что есть в домомучительнице, – это яблочная запеканка, а лучшее в яблочной запеканке – это ванильный соус, а лучшее в ванильном соусе – это то, что я его ем», – думал Малыш.

И все же это был невеселый обед, потому что столько мест за столом пустовало. Малыш скучал по маме, по папе, по Боссе и по Бетан – по всем вместе и по каждому отдельно. Нет, обед был совсем невеселый, к тому же фрекен Бок без умолку болтала о Фриде, которая уже успела изрядно надоесть Малышу.

Но вот наступил вечер. Была ведь осень, и темнело рано. Малыш стоял у окна своей комнаты, бледный от волнения, и глядел на звезды, мерцавшие над крышами. Он ждал. Это было хуже, чем сочельник. В сочельник тоже устаешь ждать, но разве это может сравниться с ожиданием прилета маленького привидения из Вазастана!.. Куда там! Малыш в нетерпении грыз ногти. Он знал, что там, наверху, Карлсон тоже ждет. Фрекен Бок уже давно сидела на кухне, опустив ноги в таз с водой, – она всегда подолгу принимает ножные ванны. Но потом она придет к Малышу пожелать ему спокойной ночи, это она обещала. Вот тут-то и надо подать сигнал. И тогда – о боже праведный, как всегда говорила фрекен Бок, – о боже праведный, до чего же это было захватывающе!

– Если ее еще долго не будет, я лопну от нетерпения, – пробормотал Малыш.

Но вот она появилась. Прежде всего, Малыш увидел в дверях ее большие, чисто вымытые босые ноги. Малыш затрепетал, как пойманная рыбка, так он испугался, хотя ждал ее и знал, что она сейчас придет. Фрекен Бок мрачно поглядела на него.

– Почему ты стоишь в пижаме у открытого окна? Немедленно марш в постель!

– Я... я глядел на звезды, – пробормотал Малыш. – А вы, фрекен Бок, не хотите на них взглянуть?

Это он так схитрил, чтобы заставить ее подойти к окну, а сам тут же незаметно сунул руку под занавеску, за которой был спрятан шнур, и дернул его изо всех сил. Он услышал, как на крыше зазвенел колокольчик. Фрекен Бок это тоже услышала.

– Где-то там, наверху, звенит колокольчик, – сказала она. – Как странно!

– Да, странно! – согласился Малыш. Но тут у него прямо дух захватило, потому что от крыши вдруг отделилось и медленно полетело по темному небу небольшое, белое, круглое привидение. Его полет сопровождался тихой и печальной музыкой.

Да, ошибки быть не могло, заунывные звуки «Плач малютки привидения» огласили темную, осеннюю ночь.

– Вот... О, гляди, гляди... Боже праведный! – воскликнула фрекен Бок.

Она побелела как полотно, ноги у нее подогнулись, и она плюхнулась на стул. А еще уверяла, что не боится привидений!

Малыш попытался ее успокоить.

– Да, теперь я тоже начинаю верить в привидения, – сказал он. – Но ведь это такое маленькое, оно не может быть опасным!

Однако фрекен Бок не слушала Малыша. Ее обезумевший взгляд был прикован к окну – она следила за причудливым полетом привидения.

– Уберите его! Уберите! – шептала она задыхаясь.

Но маленькое привидение из Вазастана нельзя было убрать. Оно кружило в ночи, удалялось, вновь приближалось, то взмывая ввысь, то спускаясь пониже, и время от времени делало в воздухе небольшой кульбит. А печальные звуки не смолкали ни на мгновение.

«Маленькое белое привидение, темное звездное небо, печальная музыка – до чего все это красиво и интересно!» – думал Малыш.

Но фрекен Бок так не считала. Она вцепилась в Малыша:

– Скорее в спальню, мы там спрячемся!

В квартире семьи Свантесон было пять комнат, кухня, ванная и передняя. У Боссе, у Бетан и у Малыша были свои комнатки, мама и папа спали в спальне, а кроме того, была столовая, где они собирались все вместе. Теперь, когда мама и папа были в отъезде, фрекен Бок спала в их комнате. Окно ее выходило в сад, а окно комнаты Малыша – на улицу.

– Пошли, – шептала фрекен Бок, все еще задыхаясь, – пошли скорее, мы спрячемся в спальне.

Малыш сопротивлялся: нельзя же допустить, что бы все сорвалось теперь, после такого удачного начала! Но фрекен Бок упрямо стояла на своем:

– Ну, живей, а то я сейчас упаду в обморок! И как Малыш ни сопротивлялся, ему пришлось тащиться в спальню. Окно и там было открыто, но фрекен Бок кинулась к нему и с грохотом его запахнула. Потом она опустила шторы, задернула занавески, а дверь попыталась забаррикадировать мебелью. Было ясно, что у нее пропала всякая охота иметь дело с привидением, а ведь еще совсем недавно она ни о чем другом не мечтала.

Малыш никак не мог этого понять, он сел на папину кровать, поглядел на перепуганную фрекен Бок и покачал головой.

– А Фрида, наверно, не такая трусиха, – сказал он, наконец.

Но сейчас фрекен Бок и слышать не хотела о Фриде. Она продолжала придвигать всю мебель к двери – за комодом последовали стол, стулья и этажерка. Перед столом образовалась уже настоящая баррикада.

– Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны, – сказала фрекен Бок с удовлетворением.

Но тут из-под папиной кровати раздался глухой голос, в котором звучало еще больше удовлетворения:

– Ну вот, теперь, я думаю, мы можем быть спокойны! Мы заперты на ночь.

И маленькое привидение стремительно, со свистом вылетело из-под кровати.

– Помогите! – завопила фрекен Бок. – Помогите!

– Что случилось? – спросило привидение. – Мебель сами двигаете, да неужели помочь некому?

И привидение разразилось долгим глухим смехом. Но фрекен Бок было не до смеха. Она кинулась к двери и стала расшвыривать мебель. В мгновение ока, разобрав баррикаду, она с громким криком выбежала в переднюю.

Привидение полетело следом, а Малыш побежал за ним. Последним мчался Бимбо и залиисто лаял. Он узнал привидение по запаху и думал, что началась веселая игра. Привидение, впрочем, тоже так думало.

– Гей, гей! – кричало оно, летая вокруг головы фрекен Бок и едва не касаясь ее ушей.

Но потом оно немного поотстало, чтобы получилась настоящая погоня. Так они носились по всей квартире – впереди скакала фрекен Бок, а за ней мчалось привидение: в кухню и из кухни, в столовую и из столовой, в комнату Малыша и из комнаты Малыша и снова в кухню, большую комнату, комнату Малыша и снова, и снова...

Фрекен Бок все время вопила так, что в конце концов привидение даже попыталось ее успокоить:

– Ну, ну, ну, не реви! Теперь-то уж мы повеселимся всласть!

Но все эти утешения не возымели никакого действия. Фрекен Бок продолжала голосить и метаться по кухне. А там все еще стоял на полу таз с водой, в котором она мыла ноги. Привидение преследовало ее по пятам. «Гей, гей», – так и звенело в ушах; в конце концов, фрекен Бок споткнулась о таз и с грохотом упала. При этом она издала вопль, похожий на вой сирены, но тут привидение просто возмутилось:

– Как тебе только не стыдно! Орешь как маленькая. Ты насмерть перепугала меня и соседей. Будь осторожней, не то сюда нагрянет полиция!

Весь пол был залит водой, а посреди огромной лужи барахталась фрекен Бок. Не пытаясь даже встать на ноги, она удивительно быстро поползла из кухни.

Привидение не могло отказать себе в удовольствии сделать несколько прыжков в тазу – ведь там уже почти не было воды.

– Подумаешь, стены чуть-чуть забрызгали, – сказала привидение Малышу.

– Все люди, как правило, спотыкаются о тазы, так чего же она воет?

Привидение сделало последний прыжок и снова кинулось за фрекен Бок. Но ее что-то нигде не было видно. Зато на паркете в передней темнели отпечатки ступней.

– Домомучительница сбежала! – воскликнуло привидение. – Но вот ее мокрые следы. Сейчас увидим, куда они ведут. Угадай, кто лучший в мире следопыт!

Следы вели в ванную комнату. Фрекен Бок заперлась там, и в прихожую доносился ее торжествующий смех.

Привидение постучало в дверь ванной:

– Открой! Слышишь, немедленно открой!

Но за дверью раздавался только громкий, ликующий хохот.

– Открой! А то я не играю! – крикнуло привидение.

Фрекен Бок замолчала, но двери не открывала. Тогда привидение обернулось к Малышу, который все еще не мог отдышаться.

– Скажи ей, чтоб она открыла! Какой же интерес играть, если она будет так себя вести!

Малыш робко постучал в дверь.

– Это я, – сказал он. – Долго ли вы, фрекен Бок собираетесь просидеть здесь взаперти?

– Всю ночь, – ответила фрекен Бок. – Я постелю себе в ванне все полотенца, чтобы там спать.

Тут привидение заговорило по-другому:

– Стели! Пожалуйста, стели! Делай все так, чтобы испортить нам удовольствие, чтобы расстроить нашу игру! Но угадай-ка, кто в таком случае немедленно отправится к Фриде, чтобы дать ей материал для новой передачи?

В ванной комнате долго царило молчание. Видно, фрекен Бок обдумывала эту ужасную угрозу. Но, в конце концов, она сказала жалким, умоляющим тоном:

– Нет-нет, пожалуйста, не делай этого!.. Этого я не вынесу.

– Тогда выходи! – сказала привидение. – Не то привидение тут же улетит на Фрейгатен. И твоя сестра Фрида будет снова сидеть в телевизоре, это уж точно!

Слышно было, как фрекен Бок несколько раз тяжело вздохнула. Наконец она позвала:

– Малыш! Приложи ухо к замочной скважине, я хочу тебе кое-что шепнуть по секрету.

Малыш сделал, как она просила. Он приложил ухо к замочной скважине, и фрекен Бок прошептала ему:

– Понимаешь, я думала, что не боюсь привидений, а оказалось, что боюсь. Но ты-то храбрый! Может, попросишь, чтобы это привидение сейчас исчезло и явилось в другой раз? Я хочу к нему немного привыкнуть. Но главное, чтобы оно не посетило за это время Фриду! Пусть оно поклянется, что не отправится на Фрейгатен!

– Постараюсь, но не знаю, что получится, – сказал Малыш и обернулся, чтобы начать переговоры с привидением.

Но его и след простыл.

– Его нету! – крикнул Малыш. – Оно улетело к себе домой. Выходите.

Но фрекен Бок не решалась выйти из ванной, пока Малыш не обошел всю квартиру и не убедился, что привидения нигде нет.

Потом фрекен Бок, дрожа от страха, еще долго сидела в комнате Малыша. Но постепенно она пришла в себя и собралась с мыслями.

– О, это было ужасно... – сказала она. – Но подумай, какая передача для телевидения могла бы из этого получиться! Фрида в жизни не видела ничего похожего!

Она радовалась, как ребенок. Но время от времени вспоминала, как за ней по пятам гналось привидение и содрогалась от ужаса.

– В общем, хватит с меня привидений, – решила она в конце концов. – Я была бы рада, если б судьба избавила меня от подобных встреч.

Едва она успела это сказать, как из шкафа Малыша послышалось что-то вроде мычания. И этого было достаточно, чтобы фрекен Бок вновь завопила:

– Слышишь? Клянусь, привидение притаилось у нас в шкафу! Ой, я, кажется, сейчас умру...

Малышу стало ее очень жаль, но он не знал, что сказать, чтобы ее утешить.

– Да нет... – начал он после некоторого раздумья, – это вовсе не привидение... Это... это... считайте, что это теленок. Да, будем надеяться, что это теленок.

Но тут из шкафа раздался голос:

– Теленочек! Этого еще не хватало! Не выйдет! И не надейтесь!

Дверцы шкафа распахнулись, и оттуда выпорхнуло малютка привидение из Вазастана, одетое в белые одежды, которые Малыш сшил своими собственными руками. Глухо и таинственно вздыхая, оно взмыло к потолку и закружилось вокруг люстры.

– Гей, гей, я не теленок, а самое опасное в мире привидение!

Фрекен Бок кричала. Привидение описывало круги, оно порхало все быстрее и быстрее, все ужасней и ужасней вопила фрекен Бок, и все стремительней, в диком вихре, кружилось привидение.

Но вдруг случилось нечто неожиданное. Изощряясь в сложных фигурах, привидение сделало чересчур маленький круг, и его одежды зацепились за люстру.

Хлоп! – старенькие простыни тут же поползли, спали с Карлсона и повисли на люстре, а вокруг нее летал Карлсон в своих обычных синих штанах, клетчатой рубашке и полосатых носках. Он был до того увлечен игрой, что даже не заметил, что с ним случилось. Он летал себе и летал,

вздыхал и стонал по-привиденчески пуще прежнего. Но, завершая очередной круг, он вдруг заметил, что на люстре что-то висит и развевается от колебания воздуха, когда он пролетает мимо.

– Что это за лоскут вы повесили на лампу? – спросил он. – От мух, что ли?

Малыш только жалобно вздохнул:

– Нет, Карлсон, не от мух.

Тогда Карлсон поглядел на свое упитанное тело, увидел синие штанишки и понял, какая случилась беда, понял, что он уже не малютка привидение из Вазастана, а просто Карлсон.

Он неуклюже приземлился возле Малыша: вид у него был несколько сконфуженный.

– Ну да, – сказал он, – неудача может сорвать даже самые лучшие замыслы. Сейчас мы в этом убедились... Ничего не скажешь, это дело житейское!

Фрекен Бок, бледная как мел, уставилась на Карлсона. Она судорожно глотала воздух, словно рыба, выброшенная на сушу. Но, в конце концов, она все же выдавила из себя несколько слов:

– Кто... кто... боже праведный, а это еще кто?

И Малыш сказал, едва сдерживая слезы:

– Это Карлсон, который живет на крыше.

– Кто это? Кто этот Карлсон, который живет на крыше? – задыхаясь, спросила фрекен Бок.

Карлсон поклонился:

– Красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил. Представьте себе, это я.

Карлсон не привидение, а просто Карлсон

Этот вечер Малыш запомнит на всю жизнь. Фрекен Бок сидела на стуле и плакала, а Карлсон стоял в сторонке, и вид у него был смущенный. Никто ничего не говорил, все чувствовали себя несчастными.

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени», – подумал Малыш, потому что мама часто так говорила. Это бывало, когда Боссе приносил домой сразу три двойки, или когда Бетан ныла, выпрашивая новую кожаную курточку на меху как

раз в те дни, когда папа вносил деньги за телевизор, купленный в рассрочку, или когда Малыш разбивал в школе окно и родителям надо было платить за огромное стекло. Вот в этих случаях мама обычно вздыхала и говорила:

«Да, от такой жизни и вправду поседеешь раньше времени!»

Именно такое чувство овладело сейчас Малышом. Ух, до чего же все нескладно вышло! Фрекен Бок безутешно рыдала, слезы катились градом. И из-за чего? Только из-за того, что Карлсон оказался не привидением.

– Подумать только! Эта телевизионная передача была уже у меня в кармане, – всхлипывая, сказала фрекен Бок и злобно поглядела на Карлсона.

– А я-то дура, специально ходила к себе домой и рассказала все Фриде... Она закрыла лицо руками, громко зарыдала, и никто не расслышал, что же она сказала Фриде.

– Но я красивый, умный и в меру упитанный мужчина в самом расцвете сил, – сказал Карлсон, пытаясь хоть чем-то ее утешить. – И меня можно показывать в этом ящике...

Фрекен Бок поглядела на Карлсона и злобно зашипела:

– «Красивый, умный и в меру упитанный мужчина»! Да таких на телевидении хоть пруд пруди, с этим к ним и соваться нечего. И она снова поглядела на Карлсона сердито и недоверчиво... А ведь этот маленький толстый мальчишка и впрямь похож на мужчину...

– Кто он, собственно говоря, такой? – спросила она Малыша.

И Малыш ответил истинную правду:

– Мой товарищ, мы с ним играем.

– Это я и без тебя знаю, – отрезала фрекен Бок и снова заплакала.

Малыш был удивлен: ведь папа и мама вообразили, что у них начнется кошмарная жизнь, если только кто-нибудь узнает о существовании Карлсона, что все тут же захотят его увидеть и его будут показывать по телевидению; но вот теперь, когда, наконец, его увидела посторонняя женщина, она льет слезы и уверяет, что раз Карлсон не привидение, он не представляет никакого интереса. А что на спине у него пропеллер и что он умеет летать – на это ей, видно, наплевать. А тут как раз Карлсон поднялся к потолку и принялся снимать с абажура свои привиденческие одежды, но фрекен Бок посмотрела на него уже совсем свирепым глазом и сказала:

– Подумаешь, пропеллер, кнопка... а что же не может быть у мальчишки в наше-то время! Скоро он будет летать на Луну, не начав ходить в школу.

Домомучительница по-прежнему сидела на стуле и накалялась все больше и больше. Она вдруг поняла, кто стащил плюшки, кто мычал у окна и кто писал на стене в кухне. Это же надо додуматься – дарить детям такие игрушки, чтобы они летали, куда им заблагорассудится, и так бесстыдно издевались над старыми людьми. А все таинственные истории с привидениями, о которых она писала в шведское телевидение, оказались проказами сорванца.

Нет, она не намерена терпеть здесь этого негодного маленького толстяка.

– Немедленно отправляйся домой, слышишь! Как тебя звать-то?

– Карлсон! – ответил Карлсон.

– Это я знаю, – сердито сказала фрекен Бок. – Но у тебя, кроме фамилии, надо думать, и имя есть?

– Меня зовут Карлсон, и все!

– Ой, не зли меня, не то я совсем рассержусь, я и так уже на последнем пределе, – буркнула фрекен Бок. – Имя – это то, как тебя зовут дома, понимаешь? Ну, как тебя кличет папа, когда пора идти спать?

– Хулиган, – ответил Карлсон с улыбкой.

Фрекен Бок с удовлетворением кивнула:

– Точно сказано! Лучше и не придумать!

Карлсон с ней согласился:

– Да, да, в детстве мы все ужасно хулиганили. Но это было так давно, а теперь я самый послушный в мире!

Но фрекен Бок больше не слушала его. Она сидела молча, глубоко задумавшись, и, видимо, начинала постепенно успокаиваться.

– Да, – сказала она наконец, – один человек будет от всего этого на седьмом небе.

– Кто? – спросил Малыш.

– Фрида, – горько ответила фрекен Бок.

Потом, глубоко вздохнув, она направилась на кухню, чтобы вытереть пол и унести таз.

Карлсон и Малыш были рады, что остались одни.

– И чего это люди волнуются по пустякам? – сказал Карлсон и пожал плечами. – Я ведь ей ничего плохого не сделал.

– Ну да, – неуверенно согласился Малыш. – Только понизводил ее немножко. Зато теперь мы станем самыми послушными. Карлсон тоже так думал.

– Конечно, станем. Но я хочу немного позабавиться, а то не буду играть!

Малыш напряженно выдумывал какое-нибудь забавное занятие для Карлсона. Но он зря старался, потому что Карлсон все придумал сам и вдруг, ни с того ни с сего, кинулся к шкафу Малыша.

– погоди! – крикнул он. – Когда я был привидением, я видел там одну толковую штуку!

Он вернулся с маленькой мышеловкой. Малыш нашел ее в деревне у бабушки и привез в город.

«Я хочу поймать мышку и приручить ее, чтобы она у меня осталась жить», – объяснил Малыш маме. Но мама сказала, что в городских квартирах мыши, к счастью, не водятся, у них, во всяком случае, мышей точно нет.

Малыш пересказал все это Карлсону, но Карлсон возразил:

– Мыши заводятся незаметно. Твоя мама только обрадуется, если вдруг, откуда ни возьмись, в доме появится маленькая нежданная мышка. Он объяснил Малышу, как было бы хорошо, если бы они поймали эту нежданную мышку. Ведь Карлсон мог бы держать ее у себя наверху, а когда у нее народятся мышата, можно будет устроить настоящую мышиную ферму.

– И тогда я помещу в газете объявление, – заключил Карлсон. – «Кому нужны мыши, обращайтесь в мышиную ферму Карлсона».

– Ага! И тогда можно будет расплодить мышей во всех городских домах! – радостно подхватил Малыш и объяснил Карлсону, как заряжают мышеловку. – Только в нее надо обязательно положить кусочек сыру или шкурку от свиного сала, а то мышь не придет.

Карлсон полез в карман и вытащил оттуда маленький огрызок шпика.

– Как хорошо, что я его сберег. После обеда я все собирался кинуть его в помойное ведро.

Он зарядил мышеловку и поставил ее под кровать Малыша.

– Теперь мышь может прийти, когда захочет.

Они совсем забыли про фрекен Бок. Но вдруг услышали какой-то шум на кухне.

– Похоже, что она готовит еду, – сказал Карлсон. – Она грохочет сковородками.

Так оно и было, потому что из кухни донесся слабый, но чарующий запах жарящихся тефтелей.

– Она обжаривает тефтели, оставшиеся от обеда, – объяснил Малыш. – Ой, до чего же есть хочется!

Карлсон со всех ног кинулся к двери.

– Вперед, на кухню! – крикнул он.

Малыш подумал, что Карлсон и в самом деле храбрец, если он отважился на такой шаг. Быть трусом Малышу не хотелось, и он тоже нерешительно поплелся на кухню.

– Гей, гей, мы, я вижу, пришли как раз кстати. Нас ждет скромный ужин, – сказал Карлсон.

Фрекен Бок стояла у плиты и переворачивала тефтели, но, увидев Карлсона, она бросила сковородку и двинулась на него. Вид у нее был угрожающий.

– Убирайся! – крикнула она. – Убирайся отсюда немедленно!

У Карлсона дрогнули губы, и он надулся.

– Так я не играю! Так я не играю! Так себя не ведут! Я тоже хочу съесть несколько тефтелек. Разве ты не понимаешь, что, когда целый вечер играешь в привидение, просыпается зверский аппетит?

Он сделал шаг к плите и взял со сковородки одну тефтельку. Вот этого ему не следовало делать. Фрекен Бок взревела от бешенства и кинулась на Карлсона, схватила его за шиворот и вытолкнула за дверь.

– Убирайся! – кричала она. – Убирайся домой и носа сюда больше не показывай!

Малыш был просто в отчаянии.

– Ну, чего вы, фрекен Бок, так злитесь? – сказал он со слезами в голосе. – Карлсон мой товарищ, разве можно его прогонять?

Больше он ничего не успел сказать, потому что дверь кухни распахнулась, и ворвался Карлсон, тоже злой как черт.

– Так я не играю! – кричал он. – Нет, так я не играю! Выставлять меня с черного хода!.. Не выйдет!

Он подлетел к фрекен Бок и топнул ногой об пол.

– Подумать только, с черного хода!.. Я хочу, чтобы меня выставили с парадного, как приличного человека!

Фрекен Бок снова схватила Карлсона за шиворот.

– С парадного? Охотно! – воскликнула она, потащила Карлсона через всю квартиру и вытолкнула его через парадный ход, не обращая никакого внимания на слезы и гневные вопли бегущего за ней Малыша. Так Карлсон добился своего.

– Ну вот, теперь с тобой обошлись достаточно благородно? – осведомилась фрекен Бок.

– Достаточно, – подтвердил Карлсон, и тогда фрекен Бок захлопнула за ним дверь с таким грохотом, что было слышно во всем доме.

– Ну, наконец-то, – сказала она и пошла на кухню.

Малыш бежал за ней, он очень сердился:

– Ой! До чего вы, фрекен Бок, злая и несправедливая! Карлсон имеет право быть на кухне!

Он там и был! Он стоял у плиты и ел тефтели.

– Да, да, меня надо было выставить через парадную дверь, чтобы я смог вернуться с черного хода и съесть несколько превосходных тефтелей, – объяснил он.

Тогда фрекен Бок схватила Карлсона за шиворот в третий раз вытолкнула за дверь, теперь опять с черного хода.

– Просто удивительно, – возмущалась она, – никакого с ним сладу нет!.. Но я сейчас запру дверь и он все же останется с носом.

– Это мы еще посмотрим, – спокойно сказал Карлсон.

Фрекен Бок захлопнула дверь и проверила, защелкнулся ли замок.

– Тьфу, до чего же вы злая, фрекен Бок, – не унимался Малыш.

Но она не обращала никакого внимания на его слова. Она быстро подошла к плите, на которой так аппетитно румянились тефтели.

– Может, и мне наконец-то удастся съесть хоть одну тефтельку после всего того, что пришлось пережить в этот вечер, – сказала она.

Но тут из открытого окна раздался голос:

– Эй! Хозяйева дома? Не найдется ли у вас двух-трех тефтелек?

На подоконнике сидел довольный Карлсон и широко улыбался. Увидев его, Малыш не смог удержаться от смеха.

– Ты прилетел сюда с балкончика?

Карлсон кивнул:

– Точно. И вот я опять с вами! Вы, конечно, мне рады... особенно ты, женщина, стоящая у плиты!

Фрекен Бок держала в руке тефтельку – она как раз собиралась сунуть ее в рот, но при виде Карлсона застыла, уставившись на него.

– Никогда в жизни не видел такой прожорливой особы, – сказал Карлсон и, сделав большой круг над плитой, схватил на лету несколько тефтелей и быстро сунул их в рот. Потом он стремительно взмыл к самому потолку.

Но тут фрекен Бок как с цепи сорвалась. Она заорала не своим голосом, схватила выбивалку для ковров и, размахивая ею, погналась за Карлсоном:

– Ах ты, озорник! Да что же это такое! Неужели мне так и не удастся тебя выгнать?

Карлсон, ликуя, кружил вокруг лампы.

– Гей, гей, вот теперь-то мы позабавимся на славу! – крикнул он. – Так весело мне не было с тех пор, как папочка гнался за мной с мухобойкой! Я тогда был маленький, но помню, тогда мы тоже здорово позабавились!

Карлсон метнулся в большую комнату, и снова началась бешеная погоня по всей квартире. Впереди летел Карлсон – он кудахтал и визжал от удовольствия, за ним мчалась фрекен Бок с выбивалкой для ковров, за ней еле поспевал Малыш, а позади всех скакал Бимбо, бешено твякая.

– Гей, гей! – кричал Карлсон.

Фрекен Бок не отставала от него, но всякий раз, когда она уже готова была его схватить, Карлсон взмывал вверх, под самый потолок. А когда фрекен Бок начинала размахивать выбивалкой, ему всегда удавалось пролететь мимо, едва ее не коснувшись.

– Эй, эй, чур, не бить по ногам, так я не играю! – кричал Карлсон.

Фрекен Бок запыхалась, но продолжала подпрыгивать, и ее большие босые ноги шлепали по паркету. Она, бедняжка, так и не успела еще обуться – ведь весь вечер ей пришлось гонять по квартире. Она очень устала, но сдаваться не собиралась.

– Ты у меня дождешься! – кричала она, продолжая погоню за Карлсоном.

Время от времени она подпрыгивала, чтобы стукнуть его выбивалкой, но он только смеялся и набирал высоту. Малыш тоже хохотал до слез и никак не мог остановиться. От смеха у него даже заболел живот, и, когда все они в третий раз очутились в его комнате, он кинулся на кровать, чтобы хоть немножко передохнуть. Смеяться у него уже не было сил, но он все же стонал от смеха, глядя, как фрекен Бок мечется вдоль стен, пытаясь поймать Карлсона.

– Гей, гей! – подбадривал ее Карлсон.

– Я тебе всыплю за это «гей, гей»! – кричала, едва переводя дыхание, фрекен Бок. Она с остервенением размахивала выбивалкой, и, в конце концов, ей удалось загнать Карлсона в угол, где стояла кровать Малыша.

– Ну вот, – воскликнула она с торжеством, – попался, голубчик!

Но вдруг она издала такой вопль, что у Малыша загудело в ушах. Он перестал хохотать.

«Эх, Карлсон попался», – подумал он.

Но попался не Карлсон. Попалась фрекен Бок; большой палец ее правой ноги угодил в мышеловку.

– Ой, ой, ой! – стонала фрекен Бок. – Ой, ой, ой!

Она подняла ногу и в ужасе уставилась на странную вещь, вцепившуюся в ее большой палец.

– Ой, ой, ой! – завопил уже Малыш. – Подождите, я сейчас ее раскрою... Простите, я этого не хотел...

– Ой, ой, ой! – продолжала вопить фрекен Бок, когда Малыш помог ей высвободить палец и к ней вернулся дар речи. – Почему у тебя мышеловка под кроватью?

Малышу было очень жаль мышеловки, и он сказал, запинаясь:

– Потому что... потому что... мы хотели поймать нежданную мышку.

– Но, конечно, не такую большую, – объяснил Карлсон. – Маленькую мышку с длинным хвостиком.

Фрекен Бок покосилась на Карлсона и застонала:

– Опять ты... Когда же ты уберешься отсюда, в конце концов?

И она снова погналась за ним с выбивалкой.

– Гей, гей! – закричал Карлсон.

Он вылетел в переднюю, а оттуда в большую комнату, а потом из нее в комнату Малыша, и снова началась погоня по всей квартире: в кухню и из кухни, в спальню и из спальни...

– Гей, гей! – кричал Карлсон.

– Ты у меня сейчас получишь «гей, гей»! – погрозила фрекен Бок, задыхаясь от быстрого бега.

Она замахнулась выбивалкой и прыгнула что было сил, но, забыв в азарте погони, что сдвинула всю мебель к дверям спальни, споткнулась о книжную полку, стукнулась обо что-то головой и с грохотом рухнула на пол.

– Все! Теперь в Нурланде снова будет землетрясение, – сказал Карлсон.

Но Малыш в испуге кинулся к фрекен Бок.

– Ой, вы не расшиблись? – спросил он. – Бедная, бедная фрекен Бок...

– Помоги мне добраться до кровати... Будь добр... – прошептала фрекен Бок.

И Малыш это сделал, вернее, попытался сделать. Но фрекен Бок была такая грузная, а Малыш такой маленький, что у него ничего не вышло. Но тут к ним подлетел Карлсон.

– Один и не пытайся, – сказал он Малышу. – Я тоже хочу помочь ее тащить. Ведь самый послушный в мире я, а вовсе не ты!

Карлсон и Малыш собрались с силами и, в конце концов, доволокли фрекен Бок до кровати.

– Бедная фрекен Бок! – вздохнул Малыш. – Как вы себя чувствуете? Вам больно?

Фрекен Бок ответила не сразу, словно собираясь с мыслями.

– Мне кажется, у меня во всем теле нет ни одной целой косточки, – сказала она наконец. – Но болеть, пожалуй, ничего не болит... Вот только, когда смеюсь...

И она так захохотала, что кровать под ней затряслась.

Малыш с испугом глядел на нее – что это с ней такое?

– Как хотите, молодые люди, но такая тренировка, как нынче вечером, не часто выдается, – сказала она. – И, боже праведный, до чего же это взбадривает! – Она энергично кивнула: – Мы с Фридой занимаемся гимнастикой по программе «упражнения для домашних хозяек». Теперь Фрида узнает, что значит бегать. Подождите-ка...

– Гей, гей! – завопил Карлсон. – Ты прихвати с собой эту выбивалку и тогда сможешь гонять Фриду по всему гимнастическому залу и так взбодрить ее, что она своих не узнает!

Фрекен Бок вытаращила на него глаза.

– Ты еще со мной разговариваешь? Ты бы лучше помолчал да пошел бы на кухню и принес мне несколько тефтелек!

Малыш радостно засмеялся.

– Да, после таких прыжков появляется зверский аппетит, – сказала она.

– Угадай, кто лучший в мире подносчик тефтелей? – сказал Карлсон, убегая на кухню.

Потом Карлсон, Малыш и фрекен Бок, сидя на кровати, уплетали прекрасный ужин с таким аппетитом, что за ушами трещало. Карлсон принес из кухни полный поднос еды.

– Я обнаружил яблочную запеканку с ванильным соусом. Кроме того, я прихватил ветчины, сыра, колбасы, соленых огурчиков, несколько сардин и кусочек печеночного паштета. Но, сказки на милость, куда ты засунула торт со взбитыми сливками? Его я не нашел...

– У нас торта нет, – ответила фрекен Бок.

У Карлсона дрогнули губы.

– И ты полагаешь, что можно наесться тефтелями, яблочной запеканкой с ванильным соусом, ветчиной, сыром, колбасой, солеными огурцами да двумя жалкими крохотными сардинками?

Фрекен Бок поглядела на него в упор.

– Нет, – сказала она подчеркнуто спокойным тоном. – Но ведь есть еще и печеночный паштет.

Никогда еще Малышу не было так вкусно. Малыш, и Карлсон, и фрекен Бок сидели рядом на кровати и жевали, глотали, и им было так уютно вдвоем! Но вдруг фрекен Бок вскрикнула:

– Боже праведный, ведь Малыш должен быть изолирован, а мы притащили сюда этого малого. – И она указала пальцем на Карлсона.

– Никто его не тащил, – сказал Малыш, – он сам прилетал. – Но все же Малыш встревожился. – Подумай, Карлсон, а вдруг ты заболеешь этой самой тиней?

– Угу... угу, – промычал Карлсон, потому что его рот был набит яблочной запеканкой, и он не сразу смог заговорить. – Что мне какая-то тина!.. Эге-гей! Подумаешь! К тому, кто переболел плюшечной лихорадкой, никакая зараза не липнет.

– Нет, все равно нельзя, – сказала фрекен Бок со вздохом.

Карлсон проглотил последнюю тефтельку, облизал пальцы и сказал:

– Что и говорить, в этом доме живут, конечно, впроголодь, но в остальном мне здесь хорошо. Так что я готов себя здесь тоже изолировать.

– О боже праведный! – воскликнула фрекен Бок. Она поглядела на Карлсона, потом на пустой поднос. – После тебя мало что остается, – сказала она.

Карлсон соскочил на пол и похлопал себя по животу.

– После того, как я поем, остается стол, – сказал он. – Единственное, что остается, – это стол.

Потом Карлсон нажал свою кнопку, мотор заработал, и Карлсон полетел к раскрытому окну.

– Привет! – крикнул он. – Теперь вам волей-неволей придется некоторое время обойтись без меня. Я тороплюсь...

– Привет, Карлсон! – крикнул Малыш. – Тебе в самом деле пора улетать?

– Так скоро? – печально добавила фрекен Бок.

– Да, мне надо поторопиться! – крикнул Карлсон. – А то я опоздаю к ужину. Привет! – И он улетел.

Красивый, умный и в меру упитанный

Время после обеда Малыш провел наверху у Карлсона, в его домике на крыше. Он объяснил Карлсону, почему надо оставить в покое фрекен Бок.

– Понимаешь, она хочет сделать торт со взбитыми сливками, потому что мама, и папа, и Боссе, и Бетан возвращаются завтра домой.

Карлсону это показалось убедительно.

– Да, если она делает торт со взбитыми сливками, ее надо оставить в покое. Опасно низводить домомучительницу, когда она взбивает сливки, а то она скиснет, а вместе с ней и сливки.

Вот почему последние часы в семье Свантесон фрекен Бок провела в полном покое – так, как она хотела. Малыш и Карлсон тоже спокойно сидели у камина в

домика на крыше. Им было очень хорошо и уютно. Карлсон быстро слетал на улицу Хетерге и купил там яблок.

– Я за них честно отдал пять эре, – сказал он Малышу. – Не хочу, чтобы меня заподозрили в краже. Ведь я самый честный в мире! – Разве эти яблоки стоят всего пять эре?

– Видишь ли, я не мог спросить их цену, – объяснил Карлсон, – потому что продавщица как раз пошла пить кофе.

Нанизав яблоки на проволоку, Карлсон пек их над огнем.

– Угадай, кто лучший в мире специалист по печеным яблокам? – спросил Карлсон.

– Ты, Карлсон, – ответил Малыш.

И они ели печеные яблоки, и сидели у огня, а сумерки все сгущались.

«Как хорошо, когда трещат поленья! – подумал Малыш. – Дни стали холодными. По всему видно, что пришла осень».

– Я все собираюсь слетать в деревню и купить дров у какого-нибудь крестьянина. Знаешь, какие скупые эти крестьяне, но, к счастью, они тоже иногда уходят пить кофе, – сказал Карлсон.

Он встал и подбросил в огонь два больших березовых полена.

– Я люблю, чтобы было жарко натоплено, – сказал он. – Остаться зимой без дров – нет, так я не играю. И, не стесняясь, скажу это крестьянину.

Когда камин прогорел, в комнате стало темно, и Карлсон зажег керосиновую лампу, которая висела у самого потолка над верстаком. Она осветила теплым, живым светом комнату и все те вещи, которые валялись на верстаке.

Малыш спросил, не могут ли они чем-нибудь обменяться, и Карлсон сказал, что он готов.

– Но когда ты захочешь что-нибудь взять, ты должен сперва спросить у меня разрешения. Иногда я буду говорить «да», а иногда – «нет»... Хотя чаще всего я буду говорить «нет», потому что все это мое и я не хочу ни с чем расставаться, а то я не играю.

И тогда Малыш начал спрашивать разрешения подряд на все вещи, которые лежали на верстаке, а получил всего-навсего на старый разбитый будильник, который Карлсон сам разобрал, а потом снова собрал. Но все равно игра эта была такой интересной, что Малыш даже представить себе не мог ничего более увлекательного. Но потом Карлсону это наскучило, и он предложил постолярничать.

– Это самое веселое на свете занятие, и можно сделать так много чудесных вещей, – сказал Карлсон. – Во всяком случае, я могу.

Он скинул все, что валялось на верстаке, прямо на пол и вытащил из-под диванчика доски и чурки. И оба они – и Карлсон и Малыш – принялись пилить, строгать, и сколачивать, так что все загудело вокруг. Малыш делал пароход. Он сбил две досточки, а сверху приладил круглую чурочку. Пароход и в самом деле получился очень хороший.

Карлсон сказал, что должен сделать скворечник и повесить его возле своего домика, чтобы там жили маленькие птички. Но то, что у него вышло, совсем не походило ни на скворечник, ни, впрочем, на что-либо другое. Весьма трудно было сказать, что за штуку он смастерил.

– Это что? – спросил Малыш.

Карлсон склонил набок голову и поглядел на свое произведение.

– Так, одна вещь, – сказал он. – Отличная маленькая вещица. Угадай, у кого в мире самые золотые руки?

– У тебя, Карлсон.

Наступил вечер. Малышу пора было идти домой и ложиться спать. Приходилось расставаться с Карлсоном и с его маленьким домиком, где было так уютно, и со всеми его вещами: и с его верстаком, и с его коптящей керосиновой лампой, и с его дровяным сарайчиком, и с его камином, в котором так долго не прогорали головешки, согревая и освещая комнату.

Трудно было все это покинуть, но ведь он знал, что скоро снова вернется сюда. О, как чудесно, что домик Карлсона находился на его крыше, а не на какой-нибудь другой!

Они вышли. Над ними сверкало звездное небо. Никогда прежде Малыш не видел столько звезд, да таких ярких, да так близко! Нет, конечно, не близко, до них было много тысяч километров, Малыш это знал, и все же... О, над домиком Карлсона раскинулся звездный шатер, и до него, казалось, рукой подать, и вместе с тем так бесконечно далеко!

– На что ты глазеешь? – нетерпеливо спросил Карлсон. – Мне холодно. Ну, ты летишь или раздумал?

– Лечу, – ответил Малыш. – Спасибо.

А на следующий день... Что это был за день! Сперва вернулись Боссе и Бетан, потом папа, а последней – но все равно это было самое главное! – мама. Малыш кинулся к ней и крепко ее обнял. Пусть она больше никогда от него не уезжает! Все они – и папа, и Боссе, и Бетан, и Малыш, и фрекен Бок, и Бимбо – окружили маму.

– А твое переутомление уже прошло? – спросил Малыш. – Как это оно могло так быстро пройти?

– Оно прошло, как только я получила твое письмо, – сказала мама. – Когда я узнала, что вы все больны и изолированы, я почувствовала, что тоже всерьез захвораю, если немедленно не вернусь домой.

Фрекен Бок покачала головой.

– Вы поступили неразумно, фру Свантесон. Но я буду время от времени приходить к вам помогать немного по хозяйству, – сказала фрекен Бок. – А теперь я должна немедленно уйти. Сегодня вечером я выступаю по телевидению.

Как все удивились: и мама, и папа, и Боссе, и Бетан.

– В самом деле? Мы все хотим на вас посмотреть. Обязательно будем смотреть, – сказал папа.

Фрекен Бок гордо вскинула голову.

– Надеюсь. Надеюсь, весь шведский народ будет смотреть на меня. И она заторопилась.

– Ведь мне надо успеть сделать прическу, и принять ванну, и побывать у массажистки и маникюрши, и купить новые стельки. Необходимо привести себя в порядок перед выступлением по телевидению. Бетан рассмеялась.

– Новые стельки?.. Да кто их увидит по телевизору?

Фрекен Бок посмотрела на нее неодобрительно.

– А разве я сказала, что их кто-нибудь увидит? Во всяком случае, мне нужны новые стельки... Чувствуешь себя уверенней, когда знаешь, что у тебя все с головы

до ног в порядке. Хотя это, может, и не всем понятно. Но мы – те, что всегда выступают по телевидению, – мы-то хорошо это знаем. Фрекен Бок торопливо попрощалась и ушла.

– Вот и нет больше домомучительницы, – сказал Боссе, когда за ней захлопнулась дверь.

Малыш задумчиво кивнул.

– А я к ней уже привык, – сказал он. – И торт со взбитыми сливками она сделала хороший – такой большой, воздушный – и украсила его кусочками ананаса.

– Мы оставим торт на вечер. Будем пить кофе. есть торт и смотреть по телевизору выступление фрекен Бок.

Так все и было. Когда подошло время передачи, Малыш позвонил Карлсону. Он дернул шнурок, спрятанный за занавесками, один раз, что означало: «Прилетай скорее». И Карлсон прилетел. Вся семья собралась у телевизора, кофейные чашки и торт со взбитыми сливками стояли на столе.

– Вот и мы с Карлсоном, – сказал Малыш, когда они вошли в столовую.

– Да, вот и я, – повторил Карлсон и развалился в самом мягком кресле.

– Наконец-то, я вижу, здесь появился тортик со сливками, и, надо сказать, весьма кстати. Могу ли я получить немедленно кусочек... очень большой кусочек?

– Мальчики получают торт в последнюю очередь, – сказала мама. А, кроме того, это мое место. Вы с Малышом можете оба сесть прямо на пол перед телевизором, а потом я дам вам по куску.

Карлсон обратился к Малышу:

– Слыхал? Она что, всегда так с тобой обращается? Бедное дитя!

Потом он улыбнулся, вид у него был довольный.

– Хорошо, что она и со мной так обращается, потому что это справедливо, а иначе я не играю.

И они оба, Малыш и Карлсон, сели на пол перед телевизором и ели торт, ожидая выступления фрекен Бок.

– Сейчас начнется, – сказал папа.

И в самом деле, на экране появилась фрекен Бок. А рядом с ней господин Пек. Он вел программу.

– Домомучительница как живая! – воскликнул Карлсон. – Гей, гей! Вот сейчас-то мы позабавимся!

Фрекен Бок вздрогнула. Казалось, она услышала слова Карлсона. А может, она просто очень волновалась, потому что стояла перед всем шведским народом и должна была ему поведать, как приготовить «Соус Хильдур Бок».

– Скажите, пожалуйста, – начал господин Пек, – как вам пришла мысль сделать именно это блюдо?

– Очень просто, – сказала фрекен Бок. – Когда у тебя есть сестра, которая ничего не смыслит в кулинарии...

Тут она умолкла, потому что Карлсон протянул вперед свою маленькую пухлую ручку и выключил телевизор.

– Домомучительница появляется и исчезает по моему желанию, – сказал он.

Но вмешалась мама.

– Немедленно снова включи, – сказала она. – И больше так не делай, а то тебе придется уйти.

Карлсон толкнул Малыша в бок и прошептал:

– А чего еще нельзя делать в вашем доме?

– Молчи. Посмотрим на фрекен Бок, – сказал Малыш.

– ... а чтобы было вкусно, его надо как следует посолить, поперчить, и пусть кипит подольше, – договорила фрекен Бок.

И у всех на глазах она солила, и перчила, и кипятила всласть, а когда соус был готов, поглядела с экрана лукавым взглядом и спросила:

– Может, попробуете?

– Спасибо, только не я, – сказал Карлсон. – Но так и быть, если ты мне дашь имена и адреса, я приведу к тебе двух-трех маленьких огнеедов, о которых ты говорила. Они охотно попробуют!

Потом господин Пек поблагодарил фрекен Бок за то, что она согласилась прийти и рассказать, как она готовит этот соус, и на этом передача явно должна была кончиться, но тут фрекен Бок вдруг спросила:

– Скажите, пожалуйста, я могу передать привет сестре?

Господин Пек выглядел растерянным.

– Ну ладно, передавайте, только побыстрее!

И тогда фрекен Бок на экране помахала рукой и сказала:

– Привет, Фрида, ты меня слышишь? Надеюсь, ты не упала со стула?

– Я тоже на это надеюсь, – сказал Карлсон. – А те не миновать землетрясения в Нурланде.

– Ну что ты болтаешь? – спросил Малыш. – Ты ведь не знаешь, какая эта Фрида. Может, она вовсе не такая огромная, как фрекен Бок.

– Представь себе, знаю, – сказал Карлсон. – Я ведь несколько раз был у них дома, на Фрейгатен, и играл там в привидение.

Потом Карлсон и Малыш съели еще по куску торта и смотрели, как жонглер на экране кидает в воздух одновременно пять тарелок и потом ловит все пять на лету. Малышу было скучно смотреть на жонглера, но у Карлсона глаза так и сияли, и поэтому Малыш тоже был счастлив.

Все было очень приятно, и Малыш так радовался что все сидели вместе с ним – и мама, и папа, и Боссе и Бетан, и Бимбо... и даже Карлсон!

Когда с тортом было покончено, Карлсон схватил блюдо, слизал с него крем, потом подкинул вверх, как на экране жонглер тарелки.

– Тот парень в ящике не промах, – сказал Карлсон. – До чего же здорово! Угадай, кто лучший в мире кидальщик блюд?

Он подбросил блюдо так высоко, что оно едва не ударилось о потолок, и Малыш испугался:

– Довольно, Карлсон, не надо... ну, не надо!

Мама и все остальные смотрели телевизор. Там танцевала балерина, и никто не заметил, что вытворяет Карлсон.

А Малыш все шептал: «Брось, Карлсон, не надо» но это не помогало, и Карлсон безмятежно продолжал кидать блюдо.

– Какое у вас красивое блюдо! – воскликнул Карлсон и снова подбросил его к потолку. – Точнее сказать, у вас было красивое блюдо, – поправился он и нагнулся, чтобы собрать осколки. – Ну, ничего, это пустяки, дело житейское...

Но мама услышала, как блюдо стукнулось об пол и разбилось. Она как следует отшлепала Карлсона и сказала:

– Это было мое любимое блюдо, а вовсе не пустяки и не дело житейское.

Малыш был недоволен, что так обходятся с лучшим в мире жонглером, но он понимал, что маме жаль блюдо, и попытался ее утешить:

– Я достану из своей копилки деньги и куплю тебе новое блюдо.

Но тут Карлсон сунул руку в карман, вынул пятиэровую монетку и протянул ее маме.

– Я сам плачу за то, что было. Вот! Пожалуйста! Купи новое блюдо, а сдачу можешь оставить себе.

– Спасибо, милый Карлсон, – сказала мама. – Знаешь что, купи на оставшиеся деньги несколько дешевых вазочек и швыряй ими в меня, когда снова будешь сердиться.

Малыш прижался к маме:

– Мама, ты не сердись на Карлсона, скажи?

Мама потрепала по руке сперва Карлсона, потом Малыша и сказала, что больше на них не сердится.

Потом Карлсон стал прощаться:

– Привет, мне пора домой, а то я опоздаю к ужину.

– А что у тебя сегодня на ужин? – спросил Малыш.

– «Соус Карлсона, который живет на крыше», – сказал Карлсон. – Только я не положу в него столько лисьего яда, сколько кладет домомучительница, можешь мне поверить. Угадай, кто лучший в мире мастер по соусам?

– Ты, Карлсон, – сказал Малыш.

Час спустя Малыш уже лежал в своей кроватке, а рядом стояла корзинка, где спал Бимбо. Все – и мама, и папа, и Боссе, и Бетан – пришли к нему в комнату пожелать спокойной ночи. Малыша уже одолевал сон. Но он еще не спал, а думал о Карлсоне. Что он сейчас делает, Карлсон? Может, как раз что-нибудь мастерит... скворечник или еще что...

«Завтра, когда я приду из школы, – думал Малыш, – я позвоню Карлсону и спрошу, нельзя ли мне слетать к нему и тоже еще что-нибудь смастерить».

А потом Малыш подумал: «Как хорошо, что Карлсон провел звонок, я позвоню ему всегда, когда захочу». И вдруг понял, что он уже захотел.

Он вскочил с постели, босиком подбежал к окну и дернул за шнурок. Три раза. Этот сигнал означал: «Какое счастье, что на свете есть такой красивый, умный, в меру упитанный и храбрый человечек, как ты, лучший в мире Карлсон!»

Малыш еще постоял немного у окна, не потому что ждал ответа, а просто так, и вдруг, представьте себе, прилетел Карлсон.

– Да, ты прав, – сказал он, – это и в самом деле очень хорошо.

Больше Карлсон ничего не сказал и тут же улетел назад, в свой зеленый домик на крыше.